

УДК 1 (091) (16)

**«РУССКИЙ АРИСТОТЕЛЬ»
В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О РЕЦЕПЦИИ АРИСТОТЕЛИЗМА
(ПРЕДИСЛОВИЕ К СТАТЬЕ
Я. ВОЛЕНЬСКОГО «РЕЦЕПЦИЯ АРИСТОТЕЛЯ В ПОЛЬШЕ с 1900 г.»)**

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rina.volf@gmail.com

Аннотация. Публикация представляет русский перевод статьи Я. Воленского, посвященной истории логики в Польше с 1900 г. в контексте рецепции логического учения Аристотеля и предваряется комментарием переводчика. В вводных замечаниях к переводу обсуждается вопрос о рецепции Аристотеля в России, предлагается проводить различие между рецепцией собственно Аристотеля и его схоластической интерпретацией. Подчеркивается, что именно такой подход предлагается Я. Воленским. Проблематизируется понятие рецепции, указываются возможные варианты ее понимания. На основании статьи Воленского эксплицируются условия, которые могут служить критериями для понимания степени рецепции Аристотеля в любой национальной культуре. Далее дается краткий обзор литературы, дающий общее представление об изучении рецепции Аристотеля в России. Также в дополнение к польской линии развития логики в Варшавском университете, представленной Воленским, прочерчивается еще одна линия изучения логики в Императорских университетах Юрьева и Варшавы, а именно Юрьевская философская школа (Г. Тейхмюллер и Е. В. Бобров), чью деятельность также можно интерпретировать как рецепцию Аристотеля, инспирированную его логическим учением.

В статье Воленского представлена рецепция логического учения Аристотеля в Польше, а именно представителями Львовско-Варшавской школы, т. е. вне его схоластических интерпретаций. Рассматривается роль В. Татаркевича, К. Твардовского и ряда других польских логиков в распространении логического учения Аристотеля, подробно излагается логическое учение Я. Лукасевича в контексте его интеллектуальной биографии и рецепции им аристотелевской логики, ставится вопрос о классической теории истины и роли, которую сыграли для ее формирования философы Львовско-Варшавской школы.

Ключевые слова: рецепция Аристотеля, история логики, аристотелизм, логика Аристотеля, польская логика.

Для цитирования: Вольф, М. Н. (2023). «Русский Аристотель» в контексте вопроса о рецепции аристотелизма (замечания переводчика к статье Я. Воленского «Рецепция Аристотеля в Польше с 1900 г.»). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 37-51. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.37-51

**“RUSSIAN ARISTOTLE”
IN THE CONTEXT OF THE QUESTION ABOUT ARISTOTELIANISM’S RECEPTION
(TRANSLATOR’S REMARKS ON THE J. WOLENSKY’S PAPER “RECEPTION
OF ARISTOTLE IN POLAND AROUND 1900”)**

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rina.volf@gmail.com

Abstract. The paper presents a Russian translation of an article by J. Wolenski devoted to the history of logic in Poland since 1900 in the context of the reception of Aristotle's logical teaching, and it is preceded by the remarks of the translator. In the introductory remarks to the translation is discussed the question of the reception of Aristotle in Russia, it is proposed to distinguish between the reception of Aristotle himself and his scholastic interpretation. It is emphasized that this is the approach which J. Wolenski proposed. The concept of reception is problematized, and is offered some possible variants of its understanding. On the base of Wolenski's paper are explicated some conditions that can serve as criteria for understanding the degree of Aristotle's reception in any national culture. Next comes a brief review of the literature, giving a general idea of the study of the reception of Aristotle in Russia. Also, in addition to the Polish line of development of logic at the University of Warsaw, presented by Wolenski, another line studying of logic at some Imperial Universities of Russian Empire is drawn, namely, the Yuriev philosophical school (G. Teichmüller and E. V. Bobrov), whose activity can also be interpreted as a reception of Aristotle, inspired by his logic.

Wolenski's paper presents the reception of Aristotle's logical teaching in Poland, namely by members of the Lvov-Warsaw school, i.e. beyond his scholastic interpretations. The role of W. Tatarkiewicz, K. Twardowski and a some of other Polish logicians in the study of the logic of Aristotle is considered; the logical teachings of J. Lukasiewicz are described in detail in the context of his intellectual biography and his reception of Aristotelian logic; finally, is raised the question on the classical theory of truth and that role which the philosophers of the Lvov-Warsaw school played for its formation.

Keywords: reception of Aristotle, history of logic, Aristotelianism, Aristotle's logic, Polish logic.

For citation: Volf, M. N. (2023). "Russian Aristotle" in the Context of the Question about Aristotelianism's Reception (Translator's Remarks on the J. Wolenski's Paper "Reception of Aristotle in Poland around 1900"). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 37-51. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.37-51

Вниманию читателя предлагается статья известного логика Яна Воленского, посвященная рецепции Аристотеля в Польше с 1900 г. Ее значение обусловлено сразу двумя темами, вокруг которых она построена. Во-первых, это история логики: профессор Воленский, глубокий знаток логики и ее истории, и, в частности, Львовско-Варшавской школы и ее проблематики, безусловный авторитет в этом вопросе¹, автор монографии, посвященной школе и переведенной на ряд языков [Wolenski, 1989, Воленский, 2004], в этой статье предлагает своего рода резюме данного вопроса, снабдив его также экскурсом в этапы развития логики в Польше до начала XX в.

Во-вторых, это заглавная тема статьи: рецепция Аристотеля. Для российского интеллектуального поля этот вопрос крайне актуален, он поднимался неоднократно и напрямую связан с вопросом о так называемом «русском Аристотеле».

Обсуждая отечественное восприятие аристотелевского наследия, В. С. Минак [Минак, 2020] приводит яркие высказывания известных русских советских интеллектуалов С. С. Аверинцева и В. В. Библихина, которые полагали, что в России Аристотеля нет, и связывали напрямую значение его наследия с тем следом, безусловно более мощным, который оставил в ее культуре Платон: «...встреча с Аристотелем так и не произошла. ... Аристотель не прочитан образованным обществом России до сих пор» [Аверинцев, 1996, с. 328]; «На Западе несколькими волнами, соперничая на равных с платонизмом,

¹ Я. Воленский – автор статьи «Lvov-Warsaw School» (LWS) в Стэнфордской философской энциклопедии (Stanford Encyclopedia of Philosophy; <https://plato.stanford.edu/>), которая на сегодняшний день является наиболее авторитетным философским ресурсом, статьи в которой не только регулярно обновляются с учетом последних исследований, но и пишутся ведущими специалистами по тем или иным вопросам философии.

аристотелевский реализм прорабатывался и внедрялся на протяжении веков. У нас его рецепция остается до сих пор задачей, первоочередной для восстановления трезвости нашей мысли» [Бибихин, 2006, с. 7]. Вот как резюмирует их точки зрения В. С. Минак: «Понятно, что в сравнении с ... платонической линией отечественное аристотелеведение и феномен русского аристотелизма представляются не только не разработанными основательно, но и, по мнению некоторых исследователей, даже не существующими действительно» [Минак, 2020, с. 9].

Насколько справедливы такие утверждения и насколько корректны основания для сравнения русского аристотелизма с иными его формами – вопрос открытый. В первом разделе своей статьи «Аристотель в Польше до 1900 г.» Я. Воленский фактически дает ключ к такого рода критериям: широкое распространение аристотелизма в европейской культуре буквально совпадает с колоссальным значением для ее развития схоластики, томизма, скотизма, а затем неотомизма и неосхоластики. Аналогичный прецедент мы можем увидеть в средневековой арабской культуре в фальсафе, т. е. восточном перипатетизме, который позже проявился, уже в форме аверроизма, в контексте опять-таки схоластической культуры Европы. Ожидать аналогичного распространения идей Аристотеля, особенно связанных с его метафизикой, вне схоластических интеллектуальных традиций было бы крайне наивно, а говорить следовало бы не о рецепции взглядов Аристотеля как такового, а о рецепции схоластических идей². Понятно, что в православной России Аристотель не мог стать фигурой переднего плана, и наиболее пристальное внимание к его концепциям могло появиться в тех точках, в которых обоюдные интересы и схоластики, и Аристотеля сходились бы в наиболее нейтральной позиции, а это, прежде всего, инструментарий и методы мышления, т. е. логика и категории, а затем, с развитием естественных наук, и естественнонаучные взгляды и методы Стагирита.

В этом смысле статья Воленского указывает направление для наиболее продуктивного способа обсуждения рецепции Аристотеля вне собственно перипатетической традиции, т. е. непосредственного аристотелизма или схоластических притязаний на него, а именно отражение положения дел в какой-либо одной из областей, будь то философские дисциплины или смежные с ними области (скажем, публицистика, логика, этика, риторика³

² Собственно, в процитированной выше работе С. С. Аверинцева, где он говорит, что встреча русской культуры с Аристотелем так и не произошла, он далее недвусмысленно показывает, что как таковой рецепции Аристотеля Западом, органической его включенности в мировоззрение западного человека, тоже не было. Встреча западной культуры, со слов С. С. Аверинцева, была не с Аристотелем, а с его схоластической интерпретацией (но, пожалуй, Аверинцев и не видит иных успешных форм рецепции Аристотеля помимо схоластических): «Человек Запада может никогда не читать Аристотеля; может никогда не слышать этого имени; может считать себя убежденным противником всего, что связано с этим именем. И все же он в некотором смысле является “аристотелианцем”, ибо влияние аристотелианской Схоластики за столетия определило слишком многое, вплоть до бессознательно употребляемых лексических оборотов» [Аверинцев, 1996, с. 328].

³ Риторика упоминается мной здесь как пример искомой рецепции в связи с книгой А. К. Михальской «Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике» [Михальская, 1996], в которой предлагается увидеть генезис русской риторической культуры в контексте становления европейской риторики. Иными словами, особенности русского риторического идеала могут быть промыслены через особенности построения сократических диалогов Платоном. С одной стороны, это максимально далеко от Сократа (даже не его призрак, аналогичный «призраку Аристотеля» в трудах Лукасевича (стр. 24 – см. прим. 4)),

и пр.) в контексте учения Аристотеля и рассмотрение следствий из таких явлений, действий или учений. Воленский хорошо чувствует эту особенность своих установок и сознательно избегает говорить о «схоластическом Аристотеле», особенно учитывая сильнейшее влияние католичества на польскую мысль, и переводит дискурс в нейтральную область логики.

Нужно отметить, что Воленский пытается говорить о рецепции не как о простом переносе идей из одной культуры в другую (вероятно, тривиальным примером такого переноса были бы любые пересказы Аристотеля в учебниках истории философии), а как об оригинальной переработке таких идей (в частности, в том же первом разделе Воленский отмечает, что в Польше 1400–1600 гг., в Краковском университете издавалось значительное число переводов Аристотеля и комментариев на него, но при этом «краковский аристотелизм не отличался особой оригинальностью» (стр. 4⁴), а потому и не представляет особого интереса). Примером настоящей оригинальной рецепции для Воленского служит Ян Лукасевич: его интеллектуальная биография начинается с разработки логических законов Аристотеля, а заканчивается трехзначной логикой. Для критиков это не пример рецепции Аристотеля, а только призрак его взглядов, но с точки зрения Воленского, коль скоро мы имеем дело с теми идеями, которые безусловно инспирированы Аристотелем, то в силу этого мы имеем дело и с рецепцией⁵.

Предлагаемая читателю статья включена в панельную дискуссию, и в своем комментарии на нее профессор Роберт Шарплз [Sharples, 2005] замечает:

«В заключении профессор Воленский говорит (стр. 35), что мы имеем дело не с “польским аристотелизмом”, а с “философской традицией, вдохновленной Аристотелем”. Эта формулировка заставила меня задаться вопросом, что мы вообще можем иметь в виду, говоря, что философ или традиция были вдохновлены Аристотелем. Например (и этот список не является исчерпывающим и не состоит из взаимоисключающих элементов); мы могли бы иметь в виду, что философ или

а с другой стороны, трудно возразить, что это именно тот контекст, в котором формируется русская риторика, а значит, именно этим она и инспирирована, и тогда правомерно в такой форме говорить о «русском Сократе».

⁴ Здесь и далее указание страниц курсивом в круглых скобках отсылает на пагинацию перевода статьи Воленского, которая указана на ее левом поле.

⁵ Еще один пример, когда рецепция Аристотеля идет вне схоластической традиции – это германский перипатетизм XVII в. Инициированный Меланхтоном, возрожденный интерес к Аристотелю распространяется среди лютеранских университетских профессоров, причем не только в своей первоначальной форме – к логике, риторике и этике, но и к метафизике, которая напрямую ассоциировалась с католической схоластикой [Стрельцов, 2022, Santinello, 1993, с. 410]. Наиболее яркий пример здесь – Якоб Томазиус, которого его ученик Лейбниц называет «известнейшим немецким перипатетиком», перечисляя его и других немецких перипатетиков вклад в аристотелеведение [Лейбниц, 1984, с. 87-88]. И Лейбниц, и его старшие современники, преподающие в лютеранских университетах, настаивают, что схоласты «удивительно исказили» учение Аристотеля, поэтому оно заслуживает не резкой критики, свойственной гуманистам, а вдумчивому осмыслению вне схоластических искажений.

Свою собственную точку зрения на Аристотеля и его учение Лейбниц излагает в [Лейбниц, 1982б; Лейбниц, 1982в, с. 193-197]. С детства увлекаясь силлогистикой (как он сам отмечает в письмах), указав на недостаточно проработанные положения «Аналитик», Лейбниц всерьез берется за уточнение аристотелевой логики, полагая логическое исчисление и модифицированную им силлогистику частью универсального исчисления [логические работы Лейбница см.: Лейбниц, 1982а]. Детский и юношеский интерес к силлогистике и уже более поздняя работа Лейбница по ее исправлению является первым образцом рецепции логики Аристотеля.

философы, о которых идет речь, берут конкретные Аристотелевские тексты в качестве отправной точки для своих дискуссий или исследований, по крайней мере, в том смысле, что их работа вдохновлена теми проблемами, которые эти тексты поднимают. Или мы имеем в виду, что есть что-то отчетливо аристотелевское в используемых ими методах исследования и дискуссиях. Или, опять же, мы могли бы иметь в виду, что в целом работа Аристотеля способствовала их философской программе. Я думаю, есть место для общего исследования вопроса о тех различных способах, которыми Аристотель вдохновлял философов; более того, я задумался, как можно было бы охарактеризовать те конкретные случаи, которых касался профессор Воленский в своей статье».

На что сам Воленский [Wolenski, 2005] дает простой и очень внятный ответ:

«Что касается польского аристотелизма, то я согласен с тем, что Аристотель по-разному вдохновлял философов. Я просто хочу подчеркнуть, что ни один другой философ прошлого не повлиял так сильно на польскую философию, как Стагирит. Однако это влияние было совершенно иным в случае неотоцизма. Из многих возможных связей между Аристотелем и поляками я еще раз подчеркиваю, что польские философы считали его первым логическим философом».

Иными словами, мы можем найти «польского томистского Аристотеля» и «польского логического Аристотеля», и это будут совершенно разные способы рецепции его взглядов. В любом случае, важно задуматься о каком именно способе рецепции (как минимум, из перечисленных профессором Шарплзом) мы говорим, когда вообще говорим о ней.

Здесь следует подчеркнуть еще один момент: имеет место смешение понятий рецепции взглядов Аристотеля, их влияния или присутствия в той или иной культуре и, собственно, аристотелизма как такового. Фактически, история философии дает нам единственный прецедент, когда мы сталкиваемся с аристотелизмом как таковым – это восточный перипатетизм, в котором Аристотель характеризуется как «Первый Учитель», а учение Аристотеля лежит в основании любых форм интеллектуальной культуры. Все остальные образцы следовало бы отнести либо к апроприированию (Аристотель в этом случае служит скорее источником вдохновения для философа, нежели происходит развитие им взглядов Стагирита), либо к аристотелеведению. Спустя два с лишним тысячелетия существования философии, на современном уровне развития философии и науки принятие аристотелизма в качестве интеллектуального основания той или иной культурой попросту невозможно. Отдельные элементы учения Аристотеля могут быть оживлены и встроены в современные формы мысли, как, например, современная этика добродетели, но аристотелизмом это можно назвать весьма условно, и сами сторонники этики добродетели чаще называют это направление неаристотелизмом. Характерно, что один из основоположников этого проекта, Аласдер Макинтайр, занимавшийся переосмыслением аристотелевой этики и политики для решения ряда современных проблем в этих областях, сам причислял себя не к аристотеликам, а к томистам [Вольф, 2021, с. 104-105]. Именно поэтому утверждение Воленского, что он не находит польского аристотелизма в XX веке, а лишь традицию, инспирированную Аристотелем, – это не способ выразиться осторожно, а вполне сознательная и рациональная позиция, которая в полной мере может быть распространена и на русскую культуру, поиски аристотелизма в буквальном смысле слова в которой в XVIII-XX вв. должны быть ожидаемо безуспешными.

Суммируя вышесказанное, можно эксплицировать условия, на основании которых делается вывод о польской рецепции Аристотеля, и которые вполне могут служить критериями для понимания степени рецепции Аристотеля любой другой национальной культурой: а) оригинальность тех представлений, которые возникли на основе трансформации взглядов как самого Стагирита, так и в отношении к его схоластическим (томистским, скотистским и пр.) интерпретациям; б) наличие существенных достижений в какой-либо конкретной области, так или иначе отсылающих к имени Аристотеля вместо тривиальной включенности в культуру; в) четкое понимание того, что именно понимается под рецепцией в каждом отдельном случае, но в более общем случае рецепция подразумевает апроприацию, а не тривиальный пересказ (дискуссии и критические замечания в отношении исходных взглядов также могут быть рассмотрены как формы апроприации). Спорное место в отношении включенности в культуру и апроприирования будет занимать наличие переводов, изданий оригинальных сочинений, комментариев, т. е. всего того, что включено в область аристотелеведения, но, как кажется, появление основательной комментаторской и переводческой традиции уже говорит о том, что рецепция так или иначе состоялась.

* * *

Несмотря на пессимистичные заявления С. С. Аверинцева и В. В. Библихина, положение дел с русским Аристотелем не настолько критично, хотя следует отметить, что львиная доля исследований в отношении этого вопроса опубликована уже после выхода в свет вышеуказанных работ. Ниже мы позволим себе указать некоторую незначительную часть исследований, которая посвящена рецепции Аристотеля, однако даже она дает возможность судить об уровне разработанности вопроса.

Наиболее проработанной областью является понимание места наследия Аристотеля в книжной традиции Древней Руси. Среди этих публикаций отметим исследования, посвященные восприятию наследия Аристотеля и в целом античного мира в древнерусской культуре вплоть до XVIII в. [Клибанов, 1995; Замалеев, 1996; Чумакова, 2004; Чумакова, 2005; Громов, 2010; и др.]. Отдельно следует отметить исследования В. П. Зубова, в частности, подробный обзор древнерусских текстов, связанных с Аристотелем, также до конца XVIII в. [Зубов, 1963б]. Из зарубежных авторов этот вопрос обсуждается в [Райэн, 1968; Ryan, 1968; Ryan, 1986].

По сравнению с количеством исследований, посвященных рецепции Аристотеля в Древней Руси, эпоха Просвещения и современность практически выпадают из поля интересов исследователей. Укажем работу «Влияние античного наследия на мировоззрение классического русского Просвещения 40–60-х годов XIX века» [Пустарнаков, 2002], в которой представлена оценка русскими просветителями античного наследия, где ключевую роль играет характеристика отношения к философии Аристотеля А. И. Герцена и раскрыта роль, которую Стагирит сыграл в формировании его мировоззрения. Что касается попыток более масштабного осмысления «русского Аристотеля», то здесь обращают на себя внимание работы В. С. Минака и О. С. Егоровой [Минак, 2020; Егорова, 2019, Егорова, 2022, Егорова, 2023].

Важное место занимают библиографии, касающиеся рецепции Аристотеля. В качестве примера библиографических трудов о русском Аристотеле можно отметить соответствующий раздел в книге [Классическая древность, 2015, с. 48-52]. Работа «Аристотель: исторические образы философа в русской литературе (XVIII – начало XX вв.)» [Егорова, 2022] примечательна не только тем, что в ней предлагается анализ процесса формирования образа Аристотеля в русской литературе XVIII–начала XX вв., но и дается обширная библиография, в которой перечислены произведения русских литераторов, публицистов и философов соответствующего периода, причастных к этому процессу.

К XX в. можно наблюдать формирование мощной историко-философской традиции российского аристотелеведения, которая сохраняет свой импульс на протяжении всего прошлого века вплоть до сегодняшнего дня, несмотря на общий спад интереса к истории философии. После нескольких «темных» послереволюционных десятилетий, когда «до основания» были разрушены и наука, и образование, и их пришлось не просто воссоздавать, а возводить с нуля, в годы после Второй мировой войны наступает в некотором смысле «золотой век» советской истории философии, и тогда же начинает закладываться традиция советского аристотелеведения, отмеченная именами А. С. Ахманова, В. П. Зубова, Ф. Х. Кессиди, А. П. Доватура, А. Н. Чанышева, и уже в наши дни Е. В. Орлова и др.⁶

Даже наш краткий и несистематический обзор литературы, в которой поднимается вопрос рецепции Аристотеля, показывает, что она в какой-то мере все же состоялась, и русский Аристотель есть, однако требуется глубокий анализ того, какие именно области российской интеллектуальной культуры получили толчок к развитию, будучи инспирированы Аристотелем, и в какой мере его идеи были апроприированы российскими учеными и интеллектуалами.

* * *

Вернемся к статье профессора Воленского и отметим еще один момент. Воленский связывает появление и развитие Львовско-Варшавской школы отчасти с обретением Польшей независимости и отмечает, что «после Второй мировой войны она прекратила свое существование в связи с военными потерями, эмиграцией многих ученых из Польши и политическими обстоятельствами, которые привели Польшу к коммунистической сфере господства» (стр. 14). Он не злоупотребляет этими фактами, упомянув о них только единожды, но вся статья повествует исключительно о польском вкладе в формирование интереса к логике и ее истории. Однако российскому читателю следует напомнить еще об одной линии исследователей, имеющей отношение к Варшавскому университету.

Прежде всего, речь идет о Евгении Александровиче Боброве, представителе так называемой Юрьевской философской школы, профессоре сначала Казанского, а с 1906 и вплоть до 1917 г. – Варшавского университета. Отметим, что Е. А. Бобров – ровесник Казимира Твардовского, основателя Львовско-Варшавской школы. Говорить о значительном

⁶ Мы не будем здесь касаться вопроса об истории переводов Аристотеля на русский язык, подробно об этом см. [Егорова, 2019].

вкладе Е. А. Боброва в изучение Аристотеля сложно, поскольку Стагирит не был главным интересом Боброва, однако в Варшаве им были опубликованы две работы об аристотелевой логике: одна – небольшая статья, посвященная критическому подходу к логике Аристотеля [Бобров, 1905], другая – 140-страничная монография, в которой излагается логика Аристотеля, его понимание процесса познания, подходы к теории истины и другие смежные темы, связанные с логическими положениями Аристотеля [Бобров, 1913]. Сами по себе эти две публикации, независимо от их исторического значения⁷, отражают определенные интеллектуальные настроения того периода в Императорском Варшавском университете.

Другой, возможно более примечательный факт, помимо работ Е. А. Боброва по логике Аристотеля, – это то, что Бобров был учеником незаслуженно забытого Г. Тейхмюллера, основателя Юрьевской философской школы, который в свою очередь изучал философию под руководством А. Тренделенбурга, и его докторская диссертация напрямую касалась Аристотеля, хотя и была не о логике, а о формах государственного правления, – «Aristotelische Einteilung der Verfassungsformen» (1856). Самые ранние работы Тейхмюллера периода его жизни в Германии также были об Аристотеле – «Аристотелевские исследования» в 3-х тт. [Teichmüller, 1867, 1869, 1873]⁸.

С того времени, как Тейхмюллер начинает работать в Дерптском (Юрьевском, позднее – Тартуском) университете, Аристотель становится объектом постоянного внимания профессоров и студентов. Позволим себе процитировать ряд пассажей из «Воспоминания о Г. Тейхмюллере» Е. В. Боброва. Он пишет:

«Тейхмюллер читал общие курсы по истории философии и логике (также и педагогике) в самой большой аудитории № 5 для студентов двух факультетов: богословского и историко-филологического. Но и эта самая обширная аудитория не вмещала в себя всех желающих...» [Бобров, 1899, с. 33].

«Третий разряд лекций Тейхмюллера состоял в его практических занятиях – у себя на дому, обыкновенно по текстам Аристотеля (иногда Платона), а именно, самых труднейших мест, напр., “Метафизики” и “Физики”, или “Парменида”. Тейхмюллер строго придерживал тренделенбургову традицию и ни одного семестра не оставлял без Aristotelisches Practicum (эту традицию, к слову сказать, и я лично до сих пор поддерживал за все время моей преподавательской деятельности)» [Там же, с. 43].

⁷ Даже если не брать во внимание тот факт, что «Историческое введение в логику» Е. А. Боброва неоднократно переиздавалось, как до революции, так и после. Одно из последних переизданий этой работы было в 2023 г. [Бобров, 2023].

⁸ Еще один значимый для понимания вклада Тейхмюллера в философию факт – это практически забытые его исследования по истории понятий [Teichmüller, 1874, 1876, 1878, 1879]. Ср. с тем значением, которое приобрела Begriffsgeschichte сегодня как в исторических, так и в историко-философских и политических исследованиях. Тейхмюллер использовал историю понятий для интерпретации античности, показывая движение мысли не через достаточно стандартный подход, излагающий истории персонажей и их учений, а стремясь продемонстрировать скрытые взаимосвязи между изолированными учениями через те или иные понятия и их историю. По мнению Е. В. Боброва, в основании «истории понятий» лежит усовершенствованный историко-философский метод Тренделенбурга [Бобров, 1899, с. 31], о значимости его разработок для своего времени свидетельствует замечание Е. В. Боброва: «ни одно исследование, появляющееся о Платоне и Аристотеле, либо об Анаксимандре и Гераклите, не обойдется без расчета с теориями Тейхмюллера» [Там же, с. 31].

Хотя эти слова написаны в казанский период преподавания, не исключено, что эти же традиции Бобров продолжил и в Варшавском университете. Кстати говоря, свой критический подход Бобров также позаимствовал у Тейхмюллера, который именно так, *критически*, предлагал изучать историю философии [Там же, с. 40]. Этот подход, как мы видели, Бобров применял и к логике Аристотеля. Е. В. Бобров становится профессором Варшавского университета в 1906 г., но приезжает туда, будучи основательно погружен в традицию изучения Аристотеля, восходящую к Тренделенбургу. По совпадению, К. Твардовский, который в это же время является профессором Львовского университета, был учеником Brentano (*стр.* 12-13), который в свою очередь также, как и учитель Боброва, Тейхмюллер, учился у Тренделенбурга. Иными словами, в интересе к логике и Аристотелю в Императорских и других университетах России, нисколько не умаляя вклада польских логиков, просматривается обусловленность в первую очередь авторитетом Тренделенбурга, нежели какими-то внешними по отношению к академической философии, социальными или политическими, причинами. Более того, критический индивидуализм или персонализм представителей Юрьевской школы, нередко интерпретируемый с позиций лейбницианской монадологии, также может быть понят как рецепция Аристотеля, в основе которой лежат, во-первых, оригинальный (критический) подход к истории философии и понимание логики и метафизики Аристотеля исторически, и во-вторых, теоретико-познавательные взгляды Аристотеля и его логика, которая, однако, требовала определенного пересмотра (с учетом того, что логическая и в целом философская позиция самого Лейбница формировалась на основании критического пересмотра силлогистики Аристотеля)⁹.

Таким образом, в том, что касается изучения непосредственно самой логики, то ее дореволюционное изучение – также отнюдь не исключительная заслуга польских императорских университетов. Общий очерк того, как происходило развитие логики, ее изучение в дореволюционной России, представлен в [Орлова, Соловьев, 2016], однако на несколько моментов, отраженных в этой работе, мы бы хотели обратить внимание читателя, и они снова отчасти связаны с именем профессора Боброва. Авторы отмечают, что российское логическое сообщество оформляется к концу XIX столетия, что подкрепляется взаимными ссылками: «... учебники, и курсы лекций теперь, как правило, отсылают не только к привычному корпусу работ европейских логиков, но и к отечественным именам ... [П]еречисление показывает, насколько расширилось научное сообщество к этому времени. Упоминаются имена Н. В. Бугаева (1837–1903), В. Н. Карпова (1798–1867), В. В. Лесевича (1837–1905), П. Д. Лодия (1764–1829), О. М. Новицкого (1806–1881), А. И. Райковского (1802–1860), А. Е. Светилина (1841–1887) и др.» [Там же, с. 129], и далее: «Работы, посвященные критическому разбору работ коллег по цеху, дают яркое представление о том, что в отечественной традиции такой “цех” сложился, а также об авторитетах и основных дискуссиях. Примером может служить очерк Е. А. Боброва (1867–1933) о И. И. Ягодинском (1869) ... Развернутый корпус работ, на которые ссылается Ягодинский, дает нам энциклопедическое представление об именах

⁹ Подробнее о карьере и учении Е. А. Боброва см. [Серебряков, 2013], о формировании персонализма и Юрьевской школы вектора Тейхмюллер–Бобров–Козлов см. [Петруня, 2012].

русских ученых, создававших традицию изучения логики в России того времени. Приведем часть “списка”: Е. А. Бобров, А. И. Введенский (1856–1925), М. И. Владиславлев (1840–1890), Н. Я. Грот (1852–1899), Ф. А. Зеленогорский (1839–1908), М. И. Каринский (1840–1917), Н. Н. Ланге (1858–1921), П. Э. Лейкфельд (1859–193?), Н. О. Лосский (1870–1965), П. С. Порецкий (1846–1908), Э. Л. Радлов (1854–1928), Л. В. Рутковский (1859–1920), Г. Е. Струве (1840–1912), Г. И. Челпанов (1862–1936)» [Там же, с. 130-131].

Приведенные списки имен, даже вне контекста их отношения к логическим исследованиям, внушительны и показывают, что интерес к логике к концу XIX в. возрос повсеместно в императорской России, и не удивительно, что среди многих профессоров Императорских университетов он тоже присутствует.

Тем самым видно, что развитие логики и интерес к ней до какого-то момента в истории философии как Польши, так и России, отражает и общее направление развития интеллектуальной культуры этих стран. Польское логическое наследие в этом отношении является не только самостоятельным уникальным явлением и ярким примером рецепции Аристотеля, но в то же время имеет общие границы с российским интеллектуальным полем, что, несомненно, делает исследование профессора Воленьского гораздо более многогранным для российского читателя, чем могло показаться на первый взгляд.

Список литературы/Reference

Аверинцев, С. С. (1996). Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России. *Риторика и истоки европейской культурной традиции*. М. Школа «Языки русской культуры». С. 319-328.

Averintsev, S. S. (1996). Christian Aristotelianism as an internal form of the Western tradition and the problems of modern Russia. In *Rhetoric and origins of the European cultural tradition*. Moscow. pp. 319-328. (In Russ.)

Бибихин, В. В. (2006). К переводу «Метафизики» Аристотеля. *Аристотель. Метафизика*. Пер. с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М. Институт философии, теологии и истории св. Фомы. С. 7-18.

Bibikhin, V. V. (2006). To the translation of Aristotle's *Metaphysics*. In *Aristotle. Metaphysics*. Pervov, P. D. and Rozanov, V. V. (transl.). Moscow. pp. 7-18. (In Russ.)

Бобров, Е. А. (1899). *Философия в России. Материалы, исследования, заметки*. Вып. 1. Казань. С. 25-48.

Bobrov, E. A. (1899). *Philosophy in Russia. Materials, studies, notes*. Iss. 1. Kazan. (In Russ.) pp. 25-48.

Бобров, Е. А. (1905). Логика Аристотеля: Исторический и критический этюд. *Варшавские университетские известия*. № 8. С. 1-8.

Bobrov, E. A. (1905). Aristotle's Logic: Historical and Critical Etude. *Warsaw University News*. no. 8. pp. 1-8. (In Russ.)

Бобров, Е. А. (1913). *Историческое введение в логику*. Варшава. Типография Варшавского учебного округа. (Последнее современное переиздание: Бобров, Е. А. (2023). *Историческое введение в логику: Аристотель, его логика и суждения. Аристотелев силлогизм. Общая часть Аристотелевой логики. Теория истины и заблуждений. Аристотелева индукция*. Изд. 5, стереотип. М. URSS.)

Bobrov, E. A. (1913). *Historical introduction to logic*. Warsaw. Printing house of the Warsaw educational district. (In Russ.) (Last reprint: Bobrov, E. A. (2023). *Historical introduction to logic: Aristotle, his logic and proposition. Aristotelian syllogism. General part of Aristotelian logic. Theory of truth and fallacies. Aristotelian induction*. Ed. 5, stereotype. Moscow. (In Russ.))

Воленский, Я. (2004). *Львовско-варшавская философская школа*. М. РОССПЭН.
Wolenski, J. (2004). *Logic and Philosophy in the Lvov-Warsaw School*. Moscow. (In Russ.)

Егорова, О. С. (2019). История переводов Аристотеля на русский язык (2-я половина XVIII – 1-я половина XX века). *Сибирский философский журнал*. Т. 17. № 1. С. 185-203.

Egorova, O. S. (2019). The history of translations of Aristotle into Russian (2 half of 18th - 1 half of 20th century). *Siberian Journal of Philosophy*. Vol. 17. no. 1. pp. 185-203. (In Russ.)

Егорова, О. С. (2022). Аристотель: исторические образы философа в русской литературе (XVIII – начало XX вв.). *Respublica Literaria*. Т. 3. № 3. С. 34-50.

Egorova, O. S. (2022). Aristotle: historical images of the philosopher in Russian literature (18th – early 20th centuries). *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 3. pp. 34-50. (In Russ.)

Егорова, О. С. (2023). Подходы в восприятии характера Аристотеля в русской интеллектуальной литературе (вторая половина XVIII – начало XX вв.). *Respublica Literaria*. Т. 4. № 2. С. 22-34.

Egorova, O. S. (2023) Approaches to the perception of Aristotle's character in Russian intellectual literature (second half of the 18th – early 20th centuries). *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 2. pp. 22-34. (In Russ.)

Замалеев, А. Ф. (1996). К вопросу об античных началах в древнерусской мысли. *Лепты. Исследования по русской философии*. СПб. С. 273-276.

Zamaleev, A. F. (1996). To the question of ancient beginnings in ancient Russian thought. In *Lepty. Research in Russian Philosophy*. St. Petersburg. pp. 273-276. (In Russ.)

Зубов, В. П. (1963а). *Аристотель*. М. Изд-во Акад. наук СССР.
Zubov, V. P. (1963а). *Aristotle*. Moscow. (In Russ.)

Зубов, В. П. (1963б). К истории аристотелевской традиции на Руси. *Аристотель*. М. Изд-во Акад. наук СССР. С. 332-349.

Zubov, V.P. (1963b). On the history of the Aristotelian tradition in Rus'. In *Aristotle*. Moscow. pp. 332-349. (In Russ.)

Классическая древность в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП): Аннотированный указатель статей 1834–1917 гг. (2015). Сост. А. И. Рубан. СПб. Bibliotheca Classica Petropolitana; «Реноме». С. 48-52.

Ruban, A. I. (comp.) (2015). *Classical Antiquity in the Journal of the Ministry of Public Education (JMPE): An Annotated Index of Papers 1834–1917*. St. Petersburg. pp. 48-52. (In Russ.)

Клибанов, А. И. (1955). К проблеме античного наследия в литературе древней Руси. *Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы*. Т. XIII. М.–Л. С. 158-182.

Klibanov, A. I. (1955). On the problem of ancient heritage in the literature of ancient Rus'. In *Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature*. Vol. XIII. Moscow. Leningrad. pp. 158-182. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1982а). *Сочинения в четырех томах*. Т. 1. М. Мысль.

Leibniz, G. W. (1982a). *Works in four volumes*. Vol. 1. Moscow. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1982б). Письмо к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией. Пер. с лат. Н. А. Басистова. *Сочинения в четырех томах*. Т. 1. М. Мысль. С. 85-102.

Leibniz, G. W. (1982b). Letter to Jacobus Thomasius on the possibility of reconciling Aristotle with the new philosophy. Basistov, N. A. (transl.). In *Works in four volumes*. Vol. 1. Moscow. pp. 85-102. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1982в). О приумножении наук. Пер. с лат. Г. Г. Майорова. *Сочинения в четырех томах*. Т. 1. М. Мысль. С. 164-202.

Leibniz, G. W. (1982c). On the multiplication of sciences. Mayorov, G. G. (transl.). In *Works in four volumes*. Vol. 1. Moscow. pp. 164-202. (In Russ.)

Лейбниц, Г. В. (1984). Предисловие к изданию сочинения Мариа Низолия «Об истинных принципах и истинном методе философствования против псевдофилософов». Пер. с лат. Н. А. Федорова. *Сочинения в четырех томах*. Т. 3. М. Мысль. С. 54-96.

Leibniz, G. W. (1984). Preface to the publication of the work of Marius Nizolius "On the true principles and true method of philosophizing against pseudo-philosophers". Fedorova, N. A. (transl.). In *Works in four volumes*. Vol. 3. Moscow. pp. 54-96. (In Russ.)

Минак, В. С. (2020). Аристотель в России: основные черты отечественного восприятия аристотелевского наследия. *VITA COGITANS: альманах молодых философов*. № 12. С. 6-29.

Minak, V. S. (2020). Aristotle in Russia: the main features of the domestic perception of the Aristotelian heritage. *VITA COGITANS: an almanac of young philosophers*. no. 12. pp. 6-29. (In Russ.)

Михальская, А. К. (1996). *Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учебное пособие для студентов гуманитарных университетов*. М. Изд. дом «Academia».

Michalskaya, A. K. (1996). *Russian Socrates: Lectures on comparative historical rhetoric: a textbook for students of liberal arts universities*. Moscow. (In Russ.)

Орлова, Н. Х., Соловьев, С. В. (2016). Из истории логики в дореволюционной России: стратегии академического взаимодействия. *Логические исследования*. Т. 22. № 2. С. 123-154.

Orlova, N. Kh., Solovyov, S. V. (2016). From the history of logic in pre-revolutionary Russia: strategies for academic interaction. *Logical Investigations*. Vol. 22. no. 2. pp. 123-154. (In Russ.)

Петруня, О. Э. (2012). Сергей Алексеевич Аскольдов: несостоявшаяся революция в теории познания. *Аскольдов С. А. Гносеология. Статьи*. М. Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви. С. 3-37.

Petrunya, O. E. (2012). Sergei Alekseevich Askoldov: a failed revolution in the theory of knowledge. In *Askoldov S. A. Gnoseology. Articles*. Moscow. pp. 3-37. (In Russ.)

Пустарнаков, В. Ф. (2002). Влияние античного наследия на мировоззрение классического русского Просвещения 40–60-х годов XIX века. *Пустарнаков В. Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа*. М. С. 246-344.

Pustarnakov, V. F. (2002). The influence of the ancient heritage on the worldview of the classical Russian Enlightenment of the 40-60s of the XIX century. In *Pustarnakov, V. F. Philosophy of the Enlightenment in Russia and France: Experience in Comparative Analysis*. Moscow. pp. 246-344. (In Russ.)

Райэн, В. (1968). Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского. *Slavia*, roč. 37, seš. 2. Praha. С. 349-355.

Ryan, W. (1968). Old Russian translation of the biography of Aristotle Diogenes Laertius. *Slavia*, 37, 2. Praha. pp. 349-355. (In Russ.)

Серебряков, Ф. Ф. (2013). *Е. А. Бобров как историк философии и просвещения в России: учебное пособие*. Казань. Казанский ун-т.

Serebryakov, F. F. (2013). *E. A. Bobrov as a Historian of Philosophy and Education in Russia. A study guide*. Kazan. (In Russ.)

Стрельцов, А. М. (2022). Философия Аристотеля как методологическое основание университетского образования в мысли Филиппа Меланхтона. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 70. С. 147-155.

Streltsov, A. M. (2022). Philosophy of Aristotle as a methodological basis for university education in the thought of Philip Melancthon. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology, Political science*. no. 70. pp. 147-155. (In Russ.)

Философия и ее история. Дискуссии. (2021). Ред. М. Н. Вольф. Новосибирск. ООО «Офсет ТМ».

Volf, M. N. (ed.). (2021). *Philosophy and its history. Discussions.* Novosibirsk. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2004). К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Вече.* № 16. С. 243-256.

Chumakova, T. V. (2004). On the question of the reception of Aristotle in ancient Russian culture. *Veche.* no. 16. pp. 243-256. (In Russ.)

Чумакова, Т. В. (2005). Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре. *Человек.* № 2. С. 58-69.

Chumakova, T. V. (2005). Receptions of Aristotle in ancient Russian culture. *Human.* no. 2. pp. 58-69. (In Russ.)

Ryan, W. F. (1968). Aristotle in Old Russian Literature. *Modern Language Review.* Vol. 63. no. 3. pp. 650-658.

Ryan, W. F. (1986). Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia. In Kraye, J., Ryan, W. F. (eds.). *Pseudo-Aristotle in the Middle Ages. The Theology and other texts.* L. pp. 97-109.

Santinello, G. (ed.). (1993). *Models of the history of philosophy. V. 1. From Its Origins in the Renaissance to the "Historia Philosophica" (the late fifteenth to the later seventeenth century).* Springer Science+ Business Media Dordrecht.

Sharples, R. (2005). Comments on Professor Wolenski's paper. In Thouard, D. (ed.) *Aristote au XIX siècle.* Villeneuve d'Ascq. Presses universitaires du Septentrion. [Online]. Available at: <http://books.openedition.org/septentrion/54008> (Accessed: 21 July 2023).

Teichmüller, G. (1867) *Aristotelische Forschungen.* Bd. I: Beiträge zur Poetik des Aristoteles. Breslau.

Teichmüller, G. (1869) *Aristotelische Forschungen.* Bd. II: Aristoteles' Philosophie der Kunst. Breslau.

Teichmüller, G. (1873) *Aristotelische Forschungen.* Bd. III: Geschichte des Begriffes der Parusie. Breslau.

Teichmüller, G. (1874). *Studien zur Geschichte der Begriffe.* Berlin.

Teichmüller, G. (1876). *Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, Heft 1,* Gotha.

Teichmüller, G. (1878). *Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, Heft 2,* Gotha.

Teichmüller, G. (1879). *Neue Studien zur Geschichte der Begriffe, Heft 3,* Gotha.

Wolenski, J. (1989). *Logic and Philosophy in the Lvov-Warsaw School*. Dordrecht. Kluwer.

Wolenski, J. (2005). Reply to Prof. Sharples. In *Aristote au XIXe siècle* [en ligne]. Villeneuve d'Ascq. Presses universitaires du Septentrion. (généré le 21 juillet 2023). [Online]. Available at: <http://books.openedition.org/septentrion/54014>. (Accessed: 21 July 2023).

Сведения об авторе / Information about the author

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, профессор РАН, профессор, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

Статья поступила в редакцию: 20.07.2023

После доработки: 30.08.2023

Принята к публикации: 12.09.2023

Volf Marina – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: rina.volf@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-1458-0440>

The paper was submitted: 20.07.2023

Received after reworking: 30.08.2023

Accepted for publication: 12.09.2023